

— Не стоит извиняться. Мне даже приятно, что кто-то готов слушать мои пустые разговоры. Другие считают меня героем или легендой Сент-Неленсы, но я сам знаю, что я всего лишь обычный человек, в чьей жизни были и горести, и счастье. На самом деле, я не так уж и несчастен, тебе не нужно слишком меня жалеть. В конце концов, я спал с лучшим проводником этой Тауэр-зоны. — Хань Цзюнь улыбнулся и покачал головой. Он ничуть не сердился на Чжао Хунгуана и не собирался погружаться в воспоминания о прошлом.

Чжао Хунгуан слегка отвернулся. Чем больше Хань Цзюнь утешал его, тем сильнее ему хотелось плакать, хотя раньше он не был таким чувствительным. Однако он не считал, что это связано с высокой степенью совместимости с Хань Цзюнем. Как человек, он просто не мог оставаться равнодушным к чужим страданиям, даже если бы перед ним был не Хань Цзюнь, он всё равно пожалел бы его, хотя, возможно, в меньшей степени.

— Видно, что ты действительно любил Вэй Чэня. Может, расскажешь что-нибудь о нём? — Чжао Хунгуан схватил Пухляша, прыгающего у него на плече, и машинально вытер нос его пушистым телом, ведь салфетки лежали в углу на полке, а он не хотел отходить от Хань Цзюня ни на шаг. После этого Пухляш, почувствовав, что что-то коснулось его перьев, удивлённо раскрыл клюв и начал яростно мстить.

Хань Цзюнь с интересом наблюдал за маленькой птичкой, которая яростно клевала пальцы Чжао Хунгуана. Он редко видел духовное тело, способное так злиться на своего хозяина, и его характер явно был хуже, чем у Чжао Хунгуана, совершенно не соответствуя образу «подобное притягивает подобное». В отличие от него, белый лань Вэй Чэня всегда был нежным и учтивым, как и его хозяин.

— Прошу прощения, что заставил тебя смеяться. — Чжао Хунгуану пришлось запихнуть бурно сопротивляющегося Пухляша обратно в своё ментальное море, где он легко создал барьер, чтобы тот не мог вырваться и продолжать буйствовать.

— Малыш полон энергии, значит, и ты в порядке. Это хорошо. Судя по всему, следующим верховным проводником будешь ты. — Хань Цзюнь улыбнулся, не обращая внимания на произошедшее. За время, проведённое вместе с Чжао Хунгуаном, и увидев его мощную ментальную силу, он понял, что этот молодой человек, возможно, ни в чём не уступает Вэй Чэню.

— Я пока об этом не думал. Быть верховным проводником для меня не так важно.

Чжао Хунгуан скромно улыбнулся. Из историй Вэй Чэня и Хань Цзюня он понял, что статус верховного стража или проводника не только приносит славу, но и может стать источником невыразимых страданий. Конечно, он не боялся повторить судьбу Хань Цзюня или Вэй Чэня, просто это не было его конечной целью.

— Твоё отношение куда лучше, чем у этого взъерошенного птенца, и это хорошо. Продолжай в том же духе. — Хань Цзюнь снова улыбнулся. Жгучая боль в глубине его ментального моря не уменьшилась, но редкие моменты спокойной беседы заставляли его терпеть.

После короткой паузы Хань Цзюнь тихим голосом начал вспоминать Вэй Чэня.

— Он любил носить костюмы, выглядел высоким и худым, но на самом деле у него было отличное телосложение. И ягодицы у него были очень красивые.

Это была первая оценка, которую Хань Цзюнь дал своему совместимому проводнику в присутствии Чжао Хунгуана. Такие слова никогда не появились бы в официальных репортажах Сент-Неленсы, но вполне могли бы стать темой для сплетен.

— Ягодицы? — Чжао Хунгуан замер, его ум сразу же заполнили образы самых разных ягодиц. Проводник был его профессией, а рисование — хобби. Как человек, планирующий стать художником после ухода на пенсию, он, конечно, видел множество ягодиц: гипсовые, нарисованные, и даже живые модели, которых нанимала их художественная группа. Чжао Хунгуан никогда не думал, что когда-нибудь заинтересуется ягодицами старшего проводника. Он даже подумал, что, будь у него с собой кисть, он мог бы набросать портрет Вэй Чэня по описанию Хань Цзюня.

— Ха-ха-ха, глупыш, я женился на Вэй Чэне не только из-за совместимости, но и из-за физической близости. Не смотри на меня так, я, несмотря на всё, довольно традиционен. Я не из тех стражей, кто вступает в телесное слияние с проводником ради стабильности ментального бастиона, но отказывается от семейных обязательств. — Хань Цзюнь слегка прищурился, и его выражение внезапно стало серьёзным. — Жаль, что у нас не было своих детей. Я планировал завести ребёнка с ним, когда мне исполнится сорок, и я перестану быть верховным стражем.

Иногда молчание — это тоже эмоция. В этот момент Чжао Хунгуан ясно ощутил печаль, витающую в воздухе.

— Честно говоря, я тоже хочу выжить и выйти из этой Чёрной Башни. — Хань Цзюнь поднял голову, его лицо стало ещё серьёзнее. — Я хочу отомстить за него.

Но в следующее мгновение он горько усмехнулся:

— Моего любимого человека убили, а я даже не знаю, кто это сделал. Ты просишь рассказать о Вэй Чэне, а я уже забыл многое из того, что было между нами. Помню только, что его омурайсу был очень вкусным, он не любил, когда я тратил деньги, не любил, когда я пил и играл в карты с друзьями... и его ягодицы были действительно красивыми. Если я продолжу так болеть, то, наверное, совсем его забуду, а этого нельзя допустить. Поэтому я выбрал эвтаназию, пока ещё помню его. Так что, Сяогуан, тебе не стоит тратить столько сил и рисковать ради меня. Я не могу быть таким эгоистом.

Закончив говорить, Хань Цзюнь спокойно посмотрел на Чжао Хунгуана. Он понимал, что тот хочет его спасти, но также осознавал, что не должен больше тянуть за собой невинных людей.

— Но ты должен жить, чтобы найти правду и отомстить за него.

Чжао Хунгуан протянул руку и взял ладонь Хань Цзюня в свои. Его рука была тёплой, даже горячей.

«Молодёжь внушает уважение», — подумал Хань Цзюнь.

Он больше не пытался уговорить Чжао Хунгуана оставить его. Этот, казалось бы, наивный молодой проводник был куда более решительным и сильным, чем он думал.

На этот раз Чжао Хунгуан не стал ждать, пока Хань Цзюнь уснёт, чтобы восстановить его ментальный бастион. Ему нужно было его полное сотрудничество.

— Я обещаю, это в последний раз. — Чжао Хунгуан положил переключатель электрошока, который дал ему Линь Шаоань, в пределах досягаемости. В случае необходимости, ради собственной безопасности, он мог активировать электрод на шее Хань Цзюня, чтобы тот навсегда уснул.

Хань Цзюнь мельком взглянул на маленький предмет, решающий его судьбу, глубоко вздохнул и серьёзно кивнул:

— Хорошо. Я согласен.

Когда Чжао Хунгуан закрыл глаза, готовясь снова погрузиться в ментальное море Хань Цзюня, он слышал его тихий голос.

— Спасибо.

Перед глазами Чжао Хунгуана простирался спокойный пейзаж, но жёлтый цвет неба и разрушенный ментальный бастион в центре выдавали аномалию этого места. Духовное тело Хань Цзюня, белый тигр, уже оправилось от предыдущих ран и, увидев Чжао Хунгуана, медленно подошло к нему.

Пухляш временно забыл о своей ссоре с хозяином. В этом ментальном море, полном скрытых опасностей, он не мог позволить себе расслабиться.

Хотя смерть для него не имела конкретного значения, он всё же беспокоился о своём недостроенном гнезде.

— Большой кот, мы снова встретились.

Чжао Хунгуан улыбнулся, присел и обнял истощённое духовное тело Хань Цзюня, поглаживая его сухую шерсть.

— Arrr... — Белый тигр издал тихий стон, его голубые глаза, лишённые агрессии, прижались к груди Чжао Хунгуана.

<http://bllate.org/book/15254/1345146>